

УДК 172.4+327.2

Виктор Сергеевич Мартьянов
кандидат политических наук, доцент,
ученый секретарь
Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
г. Екатеринбург (343) 257-41-89
martianovy@rambler.ru

МИРОИМПЕРИЯ НА ГОРИЗОНТЕ БУДУЩЕГО: ВОЗМОЖНЫЕ ПРИНЦИПЫ ИНТЕГРАЦИИ ПОСТБИПОЛЯРНОГО МИРА*

Автор полагает, что общее будущее для республик бывшего СССР и иных естественно тяготеющих друг к другу макрорегионов мира возможно только в виде имперских проектов. Поэтому основной задачей современности является надстройка капиталистической мироэкономики до мироимперии.

Интеграция, Россия, СНГ, империя, мироимперия, мироэкономика, суверенитет, космополитизм, трансформация классического Модерна.

Возможные принципы интеграции СНГ: проект новой империи

Общее будущее для республик бывшего СССР и иных естественно тяготеющих друг к другу макрорегионов мира если и возможно, то только в виде имперских проектов. В статье под империей понимается исторически эффективный способ координации гетерогенного и «неодновременного» властно-политического, экономического, культурного пространства. Империя как форма политического позволяет более лояльно относиться к различным особенностям составляющих ее территорий, придерживаясь тактики компромиссов и медленного выравнивания в противовес таким жестко ограничительным и гомогенным политическим пространствам как нации. Именно империя как форма политического государства (в том числе в виде федераций, конфедераций, межгосударственных союзов) может стать в долгосрочной перспективе интегрирующей человечество формой политического, а вовсе не комплектом постоянно дробящихся и все более конфликтующих между собой наций. Поэтому основной задачей современности является надстройка ка-

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ-Урал № 07-03-83308 а/У.

питалистической мирозкономики до мироимперии. А плавная политическая интеграция региональных имперских форм типа ЕС, НАФТА, ОСЕАН, ШОС и возможная постсоветская реинтеграции являются очередным закономерным этапом в направлении глобального политического объединения человечества.

Однако подобных сплывающих проектов новейшим российским государством за последние 20 лет предложено не было. Возможно потому, что множественные и разнообразные трансформации Модерна, ускоренные социальными изменениями постбиполярного мира, в особенности опытом развала/распада СССР, не являются окончательными в своих существенных чертах. Происходящие трансформации российского государства как вида монополии не всегда явно выражены институционально. Такие «метаморфозы» как переходы от классового общества к массовому (потребительскому); культуралистская критика универсальности наций-государств; стирание различий социальных групп и их превращение в виртуальные «группы населения»; процессы трансгрессии привычных идеологий и легитимирующих политику ритуалов (выборы, демонстрации, опросы, референдумы и т.д.); индивидуализация и урбанизация постмодернового мира – все еще плохо описываются доминирующим ныне категориальным аппаратом эпохи Модерна. С другой стороны, и популярные ныне теории постиндустриализма, информационного или сетевого общества, «общества без идеологий и утопий», транснационализации во многом являются скорее желаемым образом будущего, нежели эффективным способом описать реальность настоящего и интегрировать на более универсальных основаниях растущую «проклятую сторону» Модерна. Следует признать, что нации-государства все еще остаются ключевыми политическими монополиями и акторами мировой политики, сколь бы активно их легитимность не подтачивали транснациональные корпорации и мультикультуралистские теории. С позиций социальной диагностики скорее можно говорить об усилении «неодновременности» современных «сложных обществ», увеличении внутренней «гетерархии» государств и умножении вызовов порядкам легитимности нынешних наций в условиях общей транснационализации политического в глобальном мире.

В повестке внутренней политики национальные элиты вынуждены эксплуатировать патриотическую риторику, мифологию национальной идентичности и сакральность символов общей истории, сплывающих нацию в нечто целое. Однако в международных делах элиты и ведущие государства все активнее руководствуются транснациональными и космополитическими ценностями и целями, выходящими за пределы национального политического мышления. Отдельное государство превращается в составной элемент, в «особенное» для формата проблем, требующих глобальных решений и

координации действий, при которых сиюминутные национальные интересы должны отойти на второй план. Здесь привычный национальный уровень политики представляется не исходным пунктом, а лишь областью применения решений, вырабатываемых в транснациональном поле. Господствующее сегодня общество потребления все более глобально, транснационально и космополитично, ибо любой потребитель по своей природе космополит, а любая нация всего лишь часть глобальной индустрии и иерархии потребления. Соответственно, патриотизм является все менее значимым фактором в политических мотивациях решений как элит, так и обычных граждан. Тем более данное утверждение справедливо для деловых решений и потребительских выборов и предпочтений.

В качестве исходного постулата потенциальной интеграции представляется возможным исходить из того, что политический проект Модерна – это все еще незавершенная современность для России и стран СНГ [9]. Эта современность связана с формированием наций-государств, индустриальной экономикой, классовыми делениями общества и самоосмыслением политики в виде «великих утопий и идеологий». В настоящее время в российском обществе идут процессы усиления географической «неодновременности» национального Модерна, которую элиты пытаются компенсировать посредством политических проектов и подходов, претендующих на большую универсальность. И в частности проекты интеграции постсоветского пространства направлены именно на то, чтобы сгладить в информационной повестке негатив от имеющихся политических программ и целей, ограниченных в лучшем случае исключительно национально-государственной логикой России, в худшем – корпоративными интересами элит. Поэтому тема возрождения СНГ есть во многом попытка не просто прорыва к великой России, но еще и апелляция к возможности более справедливого и эгалитарного будущего взамен слишком многих не устраивающего настоящего.

Однако, судя по риторике и приемам пропаганды, факт, что российское население в результате советской модернизации шагнуло из поголовно неграмотного традиционно-крестьянского общества в индивидуализированное и сложное состояние Модерна как будто остался не замечен элитами. Народ упорно воспринимается элитами в традиции, идущей от Российской империи и СССР, как средство, ресурс для выполнения неких миссий, исторических задач и «национальных идей», а не главная цель российской политики. Но парадокс «роста без развития» состоит в том, что даже богатея и технически увеличивая ВВП, страна может уверенно деградировать и распадаться, а режим терять легитимность.

Российская политическая элита в своей картине мира и решениях не менее мифологична (если не более), чем остальное население. Просто ее мифы являются доминирующими культурными ко-

дами, здравым смыслом и чем-то самоочевидным, а потому считаются не мифами, а например «планом Путина», «стратегией России», «национальной идеей», «восстановлением государства российского» или на худой конец «нацпроектами». Отличие нынешней России от Европы в том, что люди, облеченные полномочиями и вещающие от имени неких социальных универсалий (народ, государство, власть, закон), все еще рассматриваются политической аудиторией как источники некой сакральной Правды. Парадокс в том, что властная элита как единственный и неизменный субъект всех исторических российских модернизаций воспринимает себя гораздо приземленней. И здесь технократическое мышление власти наталкивается на феномен не-коммуникации с массовыми ожиданиями «чудес» в формирующемся в России обществе потребления, которые от нее требуется свершать «здесь и сейчас».

Проблема легитимации новых политических проектов, в том числе интеграции СНГ, заключается в том, что с позиций здравого смысла и рационального экономического расчета никакой особой выгоды для простых людей из стран СНГ в данном процессе не просматривается. Но в условиях кризиса классических модернистских идеологий и утопий в мировой политике именно «простой человек», «нормальное общество потребления» и «здравый смысл» являются постидеологическими ресурсами политической легитимации. Они симулируют опору элит и режимов на саму реальность и потребности простых людей «как они есть». Как нечто само собой разумеющееся предполагается, что именно здравый смысл лежит в основе общества нынешнего потребления. А установление монополии на здравый смысл является технологией консервации такого общества и соответствующего ему политического режима. Все остальное: общественно мнение, народные рейтинги, выборы, предпочтения – не более чем технологические производные здравого смысла.

Но дело в том, что условия интеграции и любых проектов, выходящих за рамки сиюминутных выгод госкорпораций, элит и самих народов, требуют в качестве своего условия именно отказа от подобной логики прагматизма, признания ее иррациональности с позиций неких больших целей и ценностей, нежели прибыль и рост потребления здесь и сейчас. Именно таким проектом является реинтеграция постсоветского пространства, не несущая немедленных явных выгод, но вполне способная принести их будущим поколениям.

Пространство СНГ исторически объединялось в двух формах – империи и советской псевдо-федерации. СССР как псевдо-федерация оказался неустойчивым, ассиметричным политическим компромиссом российского центра и этнических окраин, который разрешился закономерным распадом в контексте сочетания многих не-

благоприятных внешних и внутренних факторов. Российская империя исторически оказалась более устойчивым и долгосрочным образованием, хотя и не смогла решить задач модернизации и усиления исторической одновременности своих составных частей.

Представляется, что в качестве формы интеграции стран СНГ в нынешних условиях возрастает привлекательность империи как формы политического. Поскольку форма обновленной федерации уже была отвергнута бывшими республиками в ходе распада СССР, представляя собой не что иное как неустойчивый компромисс центра и периферии, постоянно тяготеющий либо к центробежным, либо к центростремительным процессам. В то же время конфедерация является слишком аморфным и ни к чему не обязывающим образованием. В настоящее время империя и нация – это две чересчур размытые в общественных науках идеологемы. Империи в данном контексте понимаются не как нечто экспансионистское и агрессивно-милитаристское, но как политическая форма, позволяющая в отличие от наций мягкими правилами достаточно безболезненно объединить гетерогенные культуры, народы и пространства.

Во-первых, империя, выходящая за пределы строго очерченных границ наций-государств, связана со стремлением каждого человека и народа стать чем-то большим, чем он есть на самом деле, приобщиться к великому. Поэтому империя гораздо более эффективна в плане интеграции исторических и культурных пространств, нежели модерновое классовое общество, которое технологически разъединяет людей по их частным и групповым интересам, но затем не всегда способно разрешить конфликты интересов.

Во-вторых, позитивный образ империи – это смутная тоска по утраченной сакральности социально-политического порядка в обществе потребления, за которым «ничего нет» – никаких великих задач, миссий или светлого будущего, когда возникает чувство конца истории. Такова логика здравого смысла, легитимирующая статус-кво. Но так ли это? И финальность концепций демократии, капитализма и общества потребления как конца принципиальных идеологических споров свидетельствует именно о законченности модерновой социально-политической мысли, не стремящейся в рамках либерального консенсуса к чему-то иному, нежели в принципе устраивающее основные идеологические лагеря настоящее.

Безусловно, Модерн не исчерпывается капитализмом, демократией и обществом потребления. И конечно, эта интерпретация представляется единственно значимой в рамках существующего консенсуса, что призвано предотвращать именно идеологическое оппонирование, то есть неудобный вопрос: зачем все это нужно? Если присоединиться к господствующей позиции и предположить, что капитализм, демократия и потребление сами по себе представляют конечную цель, тогда стоит признать, что естественное жела-

ние большинства заключается именно в том, чтобы жить при капитализме, демократии и в обществе потребления. Тем не менее недовольство статус-кво растет, как и глобальные угрозы человечеству – расширение ядерного клуба, экология, перенаселенность и т.п. И в то же время апеллировать вроде бы более не к чему, кроме как к наличному статус-кво, формально представленному 200-ми государствами. Но наличие множества недовольных капиталистической миросистемой заставляет принять аргумент о том, что демократия, капитализм и общество потребления не более чем инструмент для достижения чего то большего, более глобальных целей, поэтому эти скороспелые «финальные концепции» если и не могут быть со временем отброшены, то по крайней мере могут быть скорректированы. Поскольку они, как подтвердила практика, не дают человеку то, чего он на самом деле хочет, пытаюсь манипулировать повседневными потребительскими инстинктами.

В результате все большее разочарование в капитализме, демократии, либеральном консенсусе и обществе потребления не ведет к появлению значимых альтернатив. А те, что есть, заведомо хуже, будучи связаны с изоляционизмом, комплексом величия, цивилизационной уникальностью, «особостью», которые в итоге оборачиваются деуниверсализацией в политике, культуре, экономике и т.д. В результате в XX в. мировая политическая карта пережила беспрецедентное дробление политических субъектов, что лишь мультиплицировало всевозможные конфликты (этнические, исторические, экономические, культурные), ради разрешения которых собственно и затевалось подобное разделение бывших империй и колоний. В подобной ситуации оправдано восстановление неких утерянных или размытых популистской риторикой общества потребления ценностных иерархий. Поскольку вопреки заявляемым целям политкорректная риторика, как правило, лишь обостряет межэтническую напряженность и консервирует этноцентристские стереотипы, откладывая решение реальных проблем на потом, либо делая вид, что их вовсе не существует. Не отрицая права всевозможных меньшинств мира на самобытность, уникальность и культурную автономию, условием стабильного существования современной нации представляется поддержание определенной иерархии идентичностей. В этой иерархии на политический статус может претендовать лишь гражданская ипостась любого человека, являющаяся приоритетной перед множеством его прочих идентичностей, в том числе религиозной и этнической. Только посредством приоритета гражданской солидарности современные мультикультурные и мультиэтнические нации могут сохранить свою целостность и снизить конфликтогенный потенциал внутри общества. Несмотря на риторику глобализации современного мира едва ли не единственным остров-

ком реальной интеграции в современном мире является лишь Европа.

Кроме того, умножение государств и негосударственных политических субъектов приводит к тому, что если государственно-экономические элиты становятся все более космополитичными и глобализированными, то население многих стран мировой полупериферии обречено жить даже не в национальных мирах, а в еще более узкой повседневности, где потребности, цели и привычки людей во многом регулируются рыночными манипуляциями.

Таким образом, прорыв к принципиальным стратегиям интеграции в современной глобальной политике может быть связан с определенной востребованностью и интересом к гражданским империям с присущей им иерархической и в то же время универсальной общественной моралью, которую не устраивает общество потребления.

До сих пор при взгляде на исторические империи считалась, что их единственной ролью является расширение и удержание некоего гомогенного культурного, экономического, политического пространства. Таковы все исторические империи от Римской до Британской, всегда проводящие границу между центром и периферией, метрополией и колониями, гражданами и негражданами, «цивилизованным периметром» и теми, кто в него не входит, являясь источником ресурсов, дешевой рабочей силы и рынком сбыта.

Популярность имперской идеи в современной России исходит из иной интерпретации идеи империи, в основе которой лежит проблема идентичности, сохранить которую можно только путем изоляции. Это и логика самосохранения исторического пространства, и метафора «острова» [13], и апология самодостаточной автаркии [11], и неповторимость кода православной цивилизации [10], и география евразийской державы [7], удерживающий глобальный мир от уничтожения самим своим наличием. Все это апеллирует к совсем не новой идее третьего Рима или православного Катехона, российской империи, которой предначертано судьбой удерживать остальной мир от варваризации и апокалипсиса [14]. Поэтому все в мире может меняться, кроме России, для которой любые изменения пагубны, так как она выполняет незаменимую миссию – удержание равновесия глобального мира.

При этом большинство авторов идет по самому простому пути и ищет варианты возможного будущего в собственной истории и чужом опыте, хотя ничто так не вводит в заблуждение в политике как поверхностные исторические аналогии. В результате значительная часть современной российской политической мысли начинает представлять собой доктрину «вечного возвращения» к былому величию. Споры ведутся лишь о том, куда надо возвращаться и как далеко от современности отстоит тот роковой период, в который Россия сбилась с истинного пути развития, на который ей следует вернуться.

Будь то ельцинский «либерально-анархический» период, СССР, Российская империя, Святая Русь до Никона и Петра I, Россия не испорченная татаро-монгольским игом, Киевская Русь до Рюриковичей и принятия христианства и т.д. в глубь мифологических веков.

Но возможен и третий вариант политической империи, не связанный как с торгово-экономической экспансией, так и с культурным самосохранением, базирующимся на идеях изоляционизма и самодостаточности. Это вариант преодоления нарастающей дифференциации и мультикультурализма современного мира, ведущих не к снятию причин конфликтов, но скорее к их умножению путем отмены эффективных ранее институтов и практик Модерна.

Пока подобные задачи группируются в современной политике в виде ультрапроектов: экологических, реваншистских, анархистских, фундаменталистских, евразийских, направленных против второстепенных издержек объективных процессов глобализации человечества. Такая критика, утрируя всю сложность и двойственность процессов современного мира, на самом деле лишь укрепляет свои объекты, поскольку альтернативные рецепты оказываются еще более утрированной современностью, одетой в ненужные одежды традиции, истории, экологии, религии и т.п.

В условиях относительного ослабления наций-государств, которые, тем не менее, будут оставаться ключевыми политическими игроками в мире еще довольно долго, именно империя представляется тем недооцененным механизмом легитимации не различий, а способов их преодоления, причем в достаточно эгалитарном и универсалистском ключе. Поскольку империя может представлять переходное звено от логики ограниченных национальных интересов в международной политике и экономике, достигаемых за счет ущемления других государств. Эта дурная бесконечность отношений господина и раба может через такие промежуточные формы как империи постепенно перейти к логике транснациональной, оперирующей долгосрочными интересами всего человечества. Безусловно, подобная позиция может не найти понимания у многих национальных элит, в том числе относящихся к центру миросистемы, но это не значит, что подобная стратегия невозможна в принципе.

Транснационализация как логика космополитической империи

В настоящее время неустанная «война идентичностей» и сиюминутных экономических интересов, всеобщие экологические, демографические, ядерные, космические, пандемические и иные угрозы актуализирует выгоды политического синтеза, отказа от сиюминутности общества потребления и интересов отдельных наций в пользу долгосрочных правил игры, закрепленных во всеобщих за-

конах, институтах, ценностях. В отдельных национальных квартирах перед лицом этих угроз уже не отсидеться, а любой тактический выигрыш части человечества является не более чем отсрочкой всеобщего поражения, если не изменится сама логика его развития.

В этих условиях роль России как генератора соответствующих изменений и всеобщих возможностей в мировой политике может резко возрасти. Самых больших успехов Россия в своей истории достигала именно тогда, когда была империей, и российской, и советской, когда она была миром, где есть место для каждого. Такова Россия в лучших своих проявлениях как квинтэссенция человечества в целом, действующая на основе принципов равенства, справедливости и безразличия к каким-либо второстепенным отличиям. Фактически все более выигрывает и в практическом, и в символическом плане тот, кто может предложить и поддерживать правила игры не искаженные ограниченными национальными интересами. Реалполитическая логика господина и раба не может быть в глобальном мире справедливой и универсальной по определению.

К аналогичным выводам приходят и западные обществоведы. Например, У. Бек, аргументируя превосходство стратегии космополитизма ЕС перед де-факто обостряющим этнические и культурные конфликты американской моделью мультикультурализма, фактически ратует за подзабытый обществоведами рецепт советского интернационализма. Действительный успех на пути общественного развития в условиях глобальной мировой экономики может быть связан только с интернационализацией всего национального. То есть не с построением мультикультурной нации, но с усилиями всех национальных государств по транснационализации политики. Преодолению национального как «особенного» в пользу интернационального и космополитического как «всеобщего». Но тогда неизбежность национальных государств должна перестать быть политической иконой современной общественной мысли. Прогресс возможен, только если нации начнут себя преодолевать во имя чего-то большего, отбросив эгоистические национальные интересы, полную взаимных претензий историю, национальные ценности как факторы политики, ориентированной на прошлое. Одни национальные претензии и победы нивелируются другими, а нации как форма политического в нынешнем виде медленно, но неуклонно архаизируются в едином пространстве глобальной капиталистической миросистемы.

Все народы могут выиграть, постепенно доверяя свой суверенитет транснациональным институтам и нормам, ставя их выше национальных. Этот процесс предполагает рост доверия, осознания национальными элитами долговременных и всеобщих целей человечества, которые нации могут достигнуть только сообща. Образцом подобного встречного движения наций, враждовавших всю свою историю, являет Европа. Сегодня трудно представить даже са-

му вероятность военного конфликта между членами ЕС. И космополитический имперский проект для человечества может быть только открытым и соблазняющим. Фактически вне Европы ее если и критикуют, то «не из-за его [Запада] стандартов, а из-за их неприменения в случаях, когда Запад поддерживает диктаторов, коррумпированные режимы или государственный террор» [1, с. 34].

Безусловно, имеющийся исторический опыт говорит не в пользу возможности имперского проекта для всего человечества. Даже в ЕС берут пока не всех, например Турцию. Правда, мало кто из исследователей замечает, насколько на долгом пути в ЕС институционально и идейно универсализировалась сама Турция. И это успешное включение как экономическое, так и культурно-политическое в глобальный мир последних десятилетий само по себе является серьезным достижением, ради которого стоило начинать путь в Европу, вне зависимости от технических дебатов по поводу реальных сроков вступления страны в ЕС.

Следует отметить, что космополитизм исторических империй был всегда ограничен, а их сакральность основывалась на делении на посвященных (избранных) и всех остальных, то есть условных «варваров». Отмена данного правила всегда соотносилась с закатом империй, но вряд ли была их причиной. И в настоящее время Россия выбирает архаический вариант имперского проекта, который ради порядка и установления «внутренней империи» выносит «варварство» и беспорядок за свои пределы. Сегодня имперский проект в его историческом варианте, безусловно, не является альтернативой капиталистической миросистеме, а то, что в России он сейчас популярен, свидетельствует скорее об ее слабости. Это наблюдение относится и к США, озабоченных построением «града на холме»: если мы не верим в то, что можем изменить весь мир, то по крайней мере мы можем выгородить для себя сферу интересов и ее защищать. И это есть наш империум! Но такая логика изначально неуниверсальна, а следовательно порочна в моральном плане.

Однако политика есть забота о будущем, которая не должна оглядываться на историю. И гоббсовско-шмиттовская ограниченная логика страха, «войны всех против всех», врага-друга, в новейшей истории человечества все же постепенно сдает позиции в пользу проекта Канта о всеобщем государстве, законодателями которого будут выступать все люди, составляющие человечество. Такова общая линия развития человечества, интегрирующегося во все более глобальные общности: племя – община – город – государство (нация) – транснациональный глобальный мир. Преодоление классовой, культурной, национальной ограниченности реализуется во все более универсальных нормах и институтах. Сегодня наиболее ярким промежуточным примером движения к космополитизму-интернационализму является ЕС как делящийся политический про-

ект, и Европейская конституция, которая, несомненно, рано или поздно все же будет одобрена входящими в ЕС нациями.

Но ничто не мешает инициировать подобный проект на пространстве СНГ и России, в основе которого лежала бы не разъединяющая логика интересов конкретных национальных элит, но нечто большее – политическая этика, основанная на авансах и аксиомах доверия и общего дела, на разделяемых всеми нормах, а не быстро текущих эгоистических интересах. Подобное утверждение является чистым политический идеализмом, но только идеалы совершенствуют политику, общество и человека, позволяя им стать чем-то лучшим, чем они являются. Более того, присоединение к универсальным правилам, сулящим долгосрочные выгоды, является по сути вполне рациональным эгоистическим решением. Конечно, условия консенсуса часто устанавливаются за счет тех, кто готов поступиться своей позицией или сделать одолжение, но в итоге выигрывают в той или иной степени все. Таков хрестоматийный пример теории принятия решений – «дилеммы узника», где два партнера достигают больших совместных успехов, делая друг другу уступки и расширяя пространство доверия, нежели наоборот.

Поэтому на самом деле стратегический выход из противоречий между бывшими республиками СССР лежит в более глобальной плоскости, будучи связанным с постепенной и многослойной трансформацией миросистемы, центрированной на капиталистической экономике в этическую мироимперию. Собственно говоря, это проект достройки мироэкономики до мирополитики [подр. о теории миросистемы и ее актуальных трансформациях: 3, 4, 5, 6, 8]. В свое время экономическая интеграция мира значительно опередила политическую и этическую. И желательность такой интегрирующей политической формы как империя все чаще проговаривается российскими обществоведами, фантастами и публицистами. Достаточно беглого взгляда на дискурс будущего в современной общественной мысли, чтобы убедиться, что империя аксиологически все привлекательней «светлого пути» демократий, особенно движимых неизменным принципом «бесконечного накопления капитала».

Политическая этика империи универсализирует политическое как этическое, абстрагируясь от конфликтов и противоречий частных и особенных экономических интересов. Более того, только этика империй исходит из истинно политической этики – *заботы о будущем, в котором есть достойное место всем*, будущего, которое не поддается приватизации частными и национальными интересами. В настоящем капиталистической миросистемы рационально решаются лишь экономические проблемы, а международная политика несмотря на различные декларации и аморфные международные структуры остается сферой применения «пещерной» логики силы.

Однако империя как механизм региональной интеграции стран СНГ может переиграть современные нации-государства, только если она предложит более универсальные и прозрачные культурные, этические и экономические правила игры, нежели имеющиеся. А для этого России необходимо определиться с тем, что считать справедливым: «справедливость – не только исток легитимности государства, но и основание любой упорядоченной и разумной деятельности. Отказ государства от базовой прерогативы определения, что справедливо, а что нет, подрывает его собственную легитимность и взрывает социальный Космос» [12, с. 13]. В настоящее время технический характер органов российского государства как высшего менеджмента «корпорации Россия», осуществляющего административное руководство на основании неререфлексируемых «инструкций» некоего здравого смысла и «прагматизма», явно не способно вырабатывать какие-либо универсальные и интегрирующие ценности, критерии их оценки и способы практического руководства ими. Поскольку любой здравый смысл в политике – это всегда чей-то не универсальный интерес, заключенный в догматический формат, апеллирующий к объективности.

В универсальных теориях обществоведения и всемогущих законах истории рано или поздно обнаруживаются функции чьих-то вовсе не универсальных социально-политических и экономических интересов. И конец универсальности целей как обнаружение двойных стандартов внутри монархии, капитализма, социализма, либеральной демократии, капиталистической миросистемы в целом ведет к моральному неприятию статус-кво, к протесту, который реализуется сегодня в «новых демократиях» некоторых стран СНГ в широком спектре действий, направленных на изменение несправедливой действительности: от пассивного гражданского неповиновения и конфликтов элит до гражданских столкновений.

Для инициации назревших изменений необходим настоящий *этический переворот*, расширяющий пространство моральных политических решений. В своей основе любая политика зиждется на отсроченном насилии [2]. Но самая искусная и эффективная политика, способная достигать долгосрочных и фундаментальных целей – это политика, основанная на ценностях, убеждениях, идеологиях и утопиях. Политика, основанная не на страхе и угрозе наказания посредством легальных институтов насилия, а политика, апеллирующая к вере в ценности, законы и справедливость. Именно дефицит такой нормативной (идеологической) политики, ориентированной на долгосрочные цели, можно наблюдать в мировой и российской политике.

Выход из морального коллапса видится не в воспроизводстве неких канонов и тем более возврате к традиции и изоляции, кото-

рым приписывается вневременная универсальность, а в трансценденции партикулярных социальных позиций, которые *могут стать* универсальны «здесь и сейчас». Эти партикулярные позиции могут быть произведены кем угодно. В том числе и нынешней Россией. Новые возможности всегда *уже присутствуют* в настоящем. Только эти ростки будущих изменений не всегда видны и не обязательно они иницируются привычным гегемоном. Скорее наоборот, рождение нового мира является очередным экспериментом маргинальных слоев, распространяемым затем в случае удачи на общество в целом. И формирование нового общества возможно скорее через аскезу, противопоставленную капиталистической мирозаботе. Так в свое время христианские секты путем самопожертвования и отказа от римского аналога общества потребления выиграли в главном, в области духа и идеологии, сформировав новое общество и иную картину мира, сохраняющуюся до сих пор.

Наивно было бы полагать, что некая партикулярная социальная позиция станет доминирующей и всеобщей путем обращения через головы эгоистичных национальных элит непосредственно к другим народам, в среде которых она найдет понимание. Речь скорее идет о замысле новой эгалитарной утопии взамен не оправдавшего ожиданий значительной части человечества «либерального консенсуса». И космополитическая империя как интегрирующая форма политического в данном контексте представляется реальной альтернативой постоянно дробящимся нациям-государствам, чья современность основана на системах множатся различий и конфликтов, а не тождеств, характерных для биполярного мира и эпохи Модерна. Данная позиция исходит из предположения о неуклонной деуниверсализации суверенных наций-государств, которые все хуже справляются с задачами, когда-то на них возложенными. В результате в настоящее время ни одна из карт мира не меняется так быстро, как политическая карта.

Например, после СССР вертикальный консенсус народа и элит, четкие правила политической игры не сложились ни в одном постсоветском государстве. Поэтому властвующие элиты могут явно или неявно опираться во внутренней политике только на силу ввиду низкого уровня легитимности. Новый общественный договор, легализирующий новые нормы политики не был заключен ни в одном из постсоветских государств. Выборы не стали инструментом такого договора, превратившись в необходимый, но недостаточный для выполнения данной задачи ритуал. Этим же объясняется легкость смены постсоветских политических режимов, ни один из которых не стал нормативно легитимным и реально общенародным. Соответственно цикл переворотов внутри властных элит, связанных с переделом клановых сфер влияния в Украине, Грузии, Кыргызстане, нельзя назвать революциями. Поскольку последние предпо-

лагают активное участие народа в своей судьбе и фундаментальные политические перемены, которые нигде в СНГ по результатам псевдо-революций не состоялись.

Более того, логика международного права и норм в данном случае подчиняется политической целесообразности и постоянно меняющемуся балансу сил. Лишь отдельные страны, входящие в состав основных акционеров ООН, имеют реальное влияние на международное право и универсальные нормы, отождествляя их со своими национальными интересами. Но всеобщим и универсальным международное право может стать лишь тогда, когда его законодателем будет человечество в целом, а не политические элиты немногих стран.

Сейчас международное право является лишь постоянно нарушаемым компромиссом интересов, что конечно не способствует его эффективности и «идеализации». Универсальные принципы остаются лишь одной из ставок в этой сложной игре интересов и выгод. Безусловно, в последние три века производятся идеалистические попытки создать универсальное метаправо, связанное, например, с концепцией всеобщих прав и свобод человека. Однако в современной международной политике действуют не космополиты, а конкретные лидеры государств, преследующих свои национальные интересы. И всеобщие нормы значимы лишь настолько, насколько они совпадают с этими национальными, региональными или корпоративными интересами.

Достижение всеобщности норм предполагает превращение человечества в единого субъекта политики и права, означает стирание нынешних политических границ и создание кантовского всемирного либерального государства. Одновременно это будет концом современной национально-государственной политики как деятельности, в основе которой лежит необходимость разрешения классовых, национальных, религиозных, экономических, региональных конфликтов интересов. Экономическая и политическая глобализация мира, ползучее распространение ядерного оружия, экологические проблемы и прочие угрозы не оставляют человечеству иных разумных и эффективных альтернатив, кроме движения к транснациональным ценностям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бек У. Космополитическая Европа: реальность и утопия // Свободная мысль, 2007. № 3. С. 31-45.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет 2000. 387 с.
3. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI в. М.: Логос, 2003. 355 с.
4. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Изд. УРСС, 2003. 256 с.

5. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ. Введение. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.
6. *Валлерстайн И.* Утопийское, или исторические возможности XXI века // Прогнозис, № 1(5). 2006. С. 8-56.
7. *Дугин А.* Апология национализма // Консервативная революция. М., 1993 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.arcto.ru/modules.php?name=news&file=article&sid=29> (проверено 31.10.2008 г.).
8. *Кагарлицкий Б.* Периферийная империя. Россия и миросистема. М.: Изд-во Ультра. Культура, 2004. 528 с.
9. *Мартыанов В.* Метаморфозы российского Модерна: выживет ли Россия в глобализирующемся мире. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. 346 с.
10. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: ЭКСМО, 2003. 543 с.
11. *Паршев А.П.* Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. М.: Крым. мост-9Д: Форум, 2000. 411 с.
12. *Соловей В.* Контуры нового мира // Свободная мысль, № 2. 2007. С. 7-18.
13. *Цымбурский В.* Остров Россия. Перспективы российской геополитики // ПОЛИС, 1993. № 5. С. 6-23.
14. *Юрьев М.* Третья империя. Россия, которая должна быть. М., Лимбус-Пресс, 2007. 640 с.

RESUME

Victor Sergeevich Martyanov, Candidate of political science, associate professor, Scientific Secretary, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, (343)257-41-89 martianovy@rambler.ru

World-Empire in the Future Perspective: Possible Principles of Post-Bipolar-World Integration

The author supposes that the joint future for the former Soviet republics and other naturally inclining macro-regions is possible only as an empire project. That is why the main present-day task is constructing the capitalist world-economy into the world-empire.

Integration, Russia, CIS, empire, world-empire, world-economy, sovereignty, cosmopolitanism, transformation of classic modernity.

Материал поступил в редколлегию 18.04.2008 г.